

Николай Добролюбов

Непостижимая странность

Николай Добролюбов

Непостижимая странность

«Public Domain»

1860

Добролюбов Н. А.

Непостижимая странность / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1860

«Непостижимая странность» открывает «итальянский» цикл статей Добролюбова, возникших в связи с пребыванием его в этой стране с декабря 1860 по июнь 1861 г. Выехав за границу на лечение в мае 1860 г., Добролюбов провел там, переезжая из страны в страну, более года. То обстоятельство, что половину этого срока он прожил в Италии, несомненно объясняется притягательной силой происходивших там событий. 1859–1860 гг. стали решающим этапом в борьбе итальянского народа за национальное освобождение и объединение, начавшейся еще в конце XVIII в.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

Непостижимая странность

(Из неаполитанской истории)

Ах, какой реприманд неожиданный!
«Ревизор»

I

Все благомыслящие люди в Европе посвящают теперь свои досуги справедливому изумлению – как это так неаполитанский народ порешил с Бурбонской династией?! Не то удивительно, что восстание произошло: в королевстве Обеих Сицилии восстания нипочем; всем известно, что Италия, по крайней мере со времен Тарквиния Гордого, всегда была страной заговоров, тайных обществ и тому подобных ужасов...^[1] Надобно же что-нибудь делать заговорщикам – вот они и пошаливают; и там уж все к этому привыкли, так точно, как у нас в старые годы ямщики были приучены к тому, что «пошаливали» известные люди на больших дорогах. Известно, что при Фердинанде II, например, для знаменитого начальника полиции Делькаретто^[2] составляло немалое удовольствие – следить втихомолку за постепенным развитием заговоров, в которых принимали участие его агенты, дожидаться, пока австрийская полиция получит неопределенные сведения о заговоре и с испугом уведомит о нем неаполитанское правительство, – и потом накрыть заговорщиков и доказать австрийцам, что они в этих делах ничего не смыслят. Все подобные шалости оканчивались обыкновенно ко всеобщему удовольствию, домашним образом, и законное правительство нимало оттого не страдало. Поэтому и в нынешнем году, когда началось восстание в Сицилии^[3], благомыслящие люди над ним смеялись; когда Гарибальди явился в Палермо^[4], над его дерзостью тоже подсмеивались. Когда Сицилия была очищена от королевских войск и Гарибальди готовился перенести войну на материк Италии, легитимисты потирали руки, приговаривая не без язвительности: «Милости просим! вот теперь-то мы и посмотрим вашу храбрость, благородный кондотьери!»^[5] Даже когда он появился в Калабрии^[6], и тут благоразумные люди хотели выразить полное пренебрежение к его предприятию, но, к сожалению, – не успели: Гарибальди так быстро добрался до Неаполя, что за ним не поспело даже перо Александра Дюма, бесспорно величайшего борзописца нашего времени^[7]. Зато благомыслящие граждане с избытком вознаградили себя, когда защита Капуя обещала обратиться во что-то серьезное: они положительно объявили, что Франциск II только по великодушию удалился из Неаполя, чтобы не подвергать свою столицу ужасам войны^[8], но что он отстоит свои права и что народ, опомнившись от своего безумия, повсюду уже призывает законное правительство. И вдруг – все надежды рушатся: на этот раз восстание оканчивается совсем не так, как обыкновенно; оно принимает нестерпимо серьезный характер, такой серьезный, что даже политика Кавура, при всей своей трусости, решается открыто вмешаться в дело...^[9] А тут является еще новое изобретение – suffrage universel;¹ 1300000 голов против 10 000 определяет присоединение к Пьемонту;^[10] последний из Бурбонов истощается в последних воззваниях к меттерниховским трактатам^[11] и к верноподданническим чувствам своего народа; но ничто не помогает, он теряет Капую и видит себя в необходимости оставить свое последнее убежище, свою милую Гаэту, 12 лет тому назад воспринявшую в свои стены святейшего отца и счастливую столькими благородными воспоминаниями...^[12]

---

¹ Всеобщее голосование (фр.). – Ред.

«Шаривари» и «Кладдерадач» изо всех сил издеваются над проницательностью благомыслящих людей^[13], и они уже ничего не находят лучшего, как сказать, что это англичанин нагадил...^[14] Конечно, читатели, англичанин – такой человек, что всюду нос сует и везде гадит по возможности; но если вы припомните единодушные отзывы всей европейской прессы о неаполитанцах, то согласитесь, что, по всем видимостям, это был такой народ, которого и изгадить-то не было никакого средства. Кто и как мог дойти до того, чтоб развратить его до такой степени? – это вопрос чрезвычайно курьезный. Конечно, он практического значения, может быть, и не имеет, и вы скажете, что не стоит им теперь и заниматься, когда дело порешено окончательно. Но что прикажете делать, если «Современник» страдает некоторой слабостью упражняться на поприще мышления почтенного Кифы Мокиевича!^[15] Он печатает стихи на взятие Парижа, если бы оно случилось (хотя всякий знает, что оно случиться не может), делает невозможные выкладки относительно выкупа и сельской общины, толкует об антропологическом принципе в философии^[16] и т. п. Конечно, все это непрактично и бесплодно; но что же делать? Надо с этим примириться, хотя в уважение того, что в «Современнике» же печатаются иногда капитальные труды вроде, например, «Поземельного кредита» г. Безобразова^[17]. При том же известно, что кто хочет практичности, дельности, кто желает всегда быть на высоте самых насущных и настоятельных требований общественной жизни, тот должен читать «Русский вестник»; там он найдет и прекрасные письма г. Молинари о русском обществе, и мысли г. Герсеванова «о жалованье предводителям дворянства», и статьи об устройстве черкесов, обитающих на берегу Черного моря, и заметки г. Сальникова о паспортах^[18], и тьму заметок по вопросам еще более капитальным. «Современник», как всякому понятно, преклоняется пред мудростью «Вестника» и ограничивает свои претензии гораздо более скромною ролью: занимать иногда досужее любопытство праздного читателя какими-либо курьезными размышлениями. Помните, как в одной комедии Островского Устенька или Капочка предлагает для развлечения общества поддерживать занимательный разговор о том, «что лучше – ждать и не дожидаться или иметь и потерять»?^[19] Так и мы теперь для вашего развлечения, читатель, задаемся вопросом: что за странность такая, что неаполитанский народ обманул самые справедливые надежды всех благомыслящих людей? Где объяснение этой странности?..

Надеемся, что мы не снискали еще права на особенное благоговение читателей перед нашими мнениями и потому можем, не опасаясь никого повергнуть в горькое разочарование, признаться, что решить заданного вопроса мы не умеем. Но зато мы обещаем добросовестно передать читателям мнение благомыслящих людей, имевших всю возможность знать положение дел в Неаполе. На эти-то мнения мы и просим обратить внимание, постоянно имея в виду, что мы собственного мнения на этот счет не имеем². Чтобы сказать что-нибудь положительное о причине странной неожиданности, поразившей Неаполь, надо бы знать народ неаполитанский; а мы его не знаем, да и кто его знает? Уж конечно, не иностранные туристы, рассказывающие бог знает что и о народе и о правительстве; конечно, и не журналисты, печатающие об иных странах такие корреспонденции, что, пожалуй, им и любой турист мог бы позавидовать... На мнения и рассказы таких людей положиться нельзя, тем более что, по уверению весьма почтенных людей, неаполитанский народ чрезвычайно сдержан, недоверчив и не любит высказываться пред чужими. Вот что говорит, например, виконт Анатолий Лемерсье в начале брошюры, изданной им в начале нынешнего года: «Несмотря на частные сношения Неаполя с Францией, несмотря на легкость сообщений, менее чем в два дня переносающих вас из Марселя в столицу королевства Обеих Сицилий, редкий народ так мало известен французам, как неаполитанцы. Правда, туристы печатают множество рассказов о своих путевых впечатлениях,

² Чтоб очевиднее доказать это читателю, мы, как всегда делается в подобных случаях, обогащаем статью своим множеством ученых цитат на разных языках. Статья от этого приобретает несколько мрачную наружность, но мы советуем «не судить по наружности», а «поглядеть в корень», как выражается Кузьма Прутков. Корень же, уверяем вас, вовсе не горек.

в картинах и гравюрах воспроизводятся во всех видах местные пейзажи и костюмы, журналисты не упускают случая обсудить по-своему – и положение дел, и людей, и политику королевства; но неаполитанцев нельзя узнать ни по путевым впечатлениям, ни по рисункам артистов, ни по журнальным оценкам; нужно много времени, много случаев и средств, чтобы добраться до истины относительно этого народа, который при легком наблюдении всегда останется непостижимым. Нужен постоянный и долгий навык, для того чтобы, среди обдуманного притворства, открыть истинное состояние этого народа. Писатели всех стран в продолжение стольких лет клеветали на Неаполь, что неаполитанец теперь питает крайнее недоверие к иностранцам. Только с большим трудом поэтому можно достигнуть до открытия истины; и если особенные благоприятные обстоятельства не помогут вам, вы никогда в этом не успеете»³.

Слова почтенного виконта мы привели затем, чтобы оправдать наше собственное незнание народа неаполитанского. Но мы не можем утаить, что виконт написал их с целью гораздо более благородною: он хотел доказать, что не следует верить писателям, уверяющим, будто в неаполитанцах шевелится любовь к свободе и недовольство их положением^[20]. Действительно, были и такие писатели; но все они заражены были, как оказывается, духом партий и не имели ни тени того бесстрастия, которое, если припомнят читатели, считает первым долгом публициста г. Чичерин^{4[82]}. К счастью, количество таких писателей невелико. Вообще же относительно Италии давно принято мнение людей почтенных, бесстрастно исследовавших род человеческий и распределивших разным племенам те или другие способности: французам – остроумие, славянам – гостеприимство, англичанам – практичность и т. д., и решивших, кто к чему способен в истории. Так, известно, например, что немцы должны вырабатывать теоретические начала общественной жизни, а французы пускать их в ход на практике; известно, что мексиканцы должны производить в год столько же революций, сколько г. Семевский пишет исторических исследований^[21], а австрийцы время от времени переменять режим, подобно «Русскому инвалиду»;^[22] известно, что славяне лишены инициативы и потому должны играть великую роль в будущем, как представители эклектической народности^{5[83]}, и пр. и пр. В этой международной табели о рангах положено, что итальянцы вообще – народ ленивый, изнеженный, лишенный всякой стойкости, неспособный к самостоятельной политической жизни и не имеющий ни малейшего поползновения к гражданской свободе. Только бы не мешали его «ничегонеделанью», итальянец больше ничего не желает; своим *farniente*⁶ он не пожертвует ни для какого благополучия. По временам он разгорячится (нельзя же и без этого: южный житель, стало быть, должен горячиться), но это лишь на минуту: волнение его так же легко успокаивается, как легко приходит. Таково было общее мнение об итальянцах, принятое всеми учеными и добропорядочными людьми. Относительно неаполитанцев прибавляли обыкновенно, что они ленивее и беспечнее всех остальных итальянцев, расслаблены климатом гораздо больше, а страстности имеют меньше, вследствие влияния религии и постоянно соблюдаемого правительственного порядка. Это мнение, за исключением немногих писателей (которых порицаем

³ «Quelques mots de verité sur Naples», par le v-te Anatole Lemorcier («Несколько истинных слов о Неаполе» виконта Анатоля Лемерсье – *фр.* – *Ред.*). Paris, 1860, p. 5.

⁴ См. «Очерки Англии и Франции» или «Отечественные записки», 1857, № 12. See various pagination^[82] (см. на различных страницах – *англ.* – *Ред.*).

^[82] Н. Г. Чернышевский в статье «Г. Чичерин как публицист», посвященной этой книге, показал, что сам Чичерин далек от беспристрастия, которым он прикрывает защиту самодержавия и интересов дворянства, «эгоистическое равнодушие» к страданиям народа (*Совр.*, 1859, № 5). Употребляя без необходимости английское выражение, Добролюбов пародирует стиль книги Чичерина, иронизирует над его англоманией.

⁵ Мнение Н. Ф. Павлова, относящееся, впрочем, ко времени споров «Русского вестника» с «Русскою беседою», то есть к эпохе, предшествующей «Нашему времени»^[83].

^[83] См. примеч. 20 к ст. «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (наст. изд., т. 1, с. 841). С 1860 г. Н. Ф. Павлов, сотрудничавший ранее в «Русском вестнике», становится редактором газеты «Наше время».

⁶ Бездельем (*ит.*). – *Ред.*

мы выше), принято было всеми партиями, как теми, которые защищали неаполитанское правительство, так равно и теми, которые нападали на него. Само собою разумеется, что образ выражения у тех и других был различен и даже в некоторой степени противоположен: одни, например, хвалили кротость и почтительность народа, другие сожалели о его уничтожении и рабских свойствах характера; одни говорили, что он доволен малым и возлагает упование во всем на тех, кто им управляет; а другие выражались, что он невежествен, лишен лучших и возвышеннейших порывов души, потерял сознание собственного достоинства, и т. п. Но лучше приведем несколько отзывов из разных книжек об Италии, которыми теперь наводнены все книжные лавки в Европе. Жаль, что не имеем под рукою путевых писем гг. Греча и Пауловича;^[23] но все равно, мы дадим вам выдержки из таких книжек, лучше которых едва ли писали что-нибудь наши почтенные соотечественники.

Не подумайте, что мы думаем посмеяться над проницательностью людей, которых цитируем; не подумайте, что мы совершенно отрицаем их показания. Мы уже сказали, что не знаем сами неаполитанского народа, следовательно, не имеем права отвергать и осмеивать чужие свидетельства о нем. А согласие противных партий в отзывах о характере неаполитанском дает им большую гарантию достоверности. Но тем изумительнее опровержение, которое против них сделано фактами последнего времени. Послушайте, что повторялось о неаполитанцах в течение десятков лет, и повторялось основательно: можно ли было ожидать такого грустного конца после таких светлых уверений!

Чтобы не начинать слишком издавна, мы возьмем только последнее тридцатилетие^[24], которое, как известно, весьма много способствовало к утверждению в Неаполе характера бездеятельности и равнодушия к политической жизни. До восшествия на престол Фердинанда II неаполитанцы могли считаться народом, имеющим те же наклонности и требования в политике, как и другие народы Европы. Вот почему Луи-Филипп вскоре по своем воцарении писал к Фердинанду, уговаривая его сделать некоторые уступки правам народным. «Мы живем, – писал Луи-Филипп, – в переходную эпоху, когда часто нужно бывает уступить кое-что, чтобы не отняли у нас всего. Признаки брожения так ясны и сильны в Италии, что необходимо ожидать взрыва, более или менее близкого, смотря по тому, ускорят или замедлят его меры князя Меттерниха, слишком уже крутые. Ваше величество будете увлечены потоком, если вы вовремя не сделаете своего выбора». Фердинанд отвечал письмом, которого многие фразы сделались знамениты: тут-то он делал признания, что «свобода гибельна для фамилии Бурбонов», «что они не нынешнего века», что он «преклоняется» пред идеями, «которые признала верными и спасительными многолетняя опытность Меттерниха», и пр.^[25] Тут же находилось и свидетельство о неспособности народа к гражданской самостоятельности, свидетельство едва ли не самое важное и положительное из всех, какие мы приведем далее. «Мой народ повинуется силе и склоняется под ней (*se courbe*), – писал он, – но горе, если он вздумал бы выпрямиться под влиянием этих мечтаний, которые так хороши в рассуждениях философов и невозможны на практике! С божьею помощью я дам моему народу благосостояние и честное управление, на которое он имеет право; но я буду королем, буду им один и всегда... Мой народ не имеет надобности мыслить: я забочусь о его благоденствии и достоинстве»⁷.

Выражаясь таким образом о своем народе, Фердинанд должен был хорошо знать его характер и быть вполне уверенным в истине своих понятий о нем. И мы видим, что уверен-

⁷ Письмо Луи-Филиппа и ответ Фердинанда в первый раз обнародованы были г. Петручелли де ла Гаттуна в «Revue de Paris», 1856, livr. 15 oct. Они так поразили многих, что возникли сомнения в их подлинности. Эти сомнения были, между прочим, выражены парижским корреспондентом «Independance Beige», 20 ноября 1856 г. Но г. Петручелли де ла Гаттуна отвечал в «Revue de Paris», 1 декабря того же года, что он ручается за подлинность писем, и объяснял при этом, что они открыты были в Тюльери в феврале 1848 года и достались автору из рук весьма надежных. Никто не опровергал потом показаний г. Петручелли.

ность эта никогда не покидала его: все его царствование служило осуществлением принципов, высказанных в приведенных нами строках.

К некоторым фактам этого царствования мы еще возвратимся; а теперь, после свидетельства самого короля, приведем несколько отзывов всех партий о неаполитанском народе. Возьмем ряд известий за последние десять лет.

В 1851 году лорд Глэдстон напечатал знаменитые свои письма о неаполитанском правительстве^[26]. Все в них было проникнуто сочувствием к страданиям народа и энергическим негодованием против правительства Обеих Сицилии. Письма эти произвели полемику, вследствие которой лорд Глэдстон издал новую брошюру «Examination»⁸, пересмотр некоторых фактов, упомянутых им прежде и оспаривавшихся защитниками Фердинанда^[27]. В этой-то брошюре пришлось лорду Глэдстону высказаться и о самом народе неаполитанском. Вот его слова: *«Во всей Европе нельзя найти народа, более кроткого, преданного и послушливого, как народ неаполитанский»*⁹. Подобное же понятие о народе видно и в самых письмах Глэдстона.

Один из самых яростных антагонистов лорда Глэдстона, француз Гондон, один из бывших редакторов газеты «L'Univers»^[28], написал несколько книг в защиту бурбонского правительства в Неаполе и в одной из них в 1855 году, говоря о разных либеральных претензиях, утверждает самым решительным образом невозможность и ненужность конституции для неаполитанского народа. Между прочим, вот что он пишет:

Трудно, может быть, не зная страны, составить себе отчетливое убеждение относительно невозможности организовать представительное правление в королевстве Обеих Сицилии; но всякий добросовестный человек, который захочет серьезно вникнуть в дело, непременно убедится в этой невозможности.

Низшие классы во всем королевстве исполнены энтузиазма к своему правительству и вполне довольны своим положением; они никогда и не помышляли о приобретении того, что называют политическими правами. Все, что ни говорила и ни писала против этого мнимая парламентская партия, – все это ложно в высшей степени. Народ неаполитанский верует в своего короля, ибо знает, что Фердинанд верует в бога и что в своей просвещенной совести он понимает и исполняет обязанности католического монарха в отношении к народу, над которым он царствует. Какого еще более верного ручательства может религиозный народ желать от своего повелителя? Какая писанная конституция может иметь для совести короля такое значение, как законы религии? Все политические беспорядки, волновавшие Европу, не происходили ли главным образом оттого, что новейшая политика оставила в стороне религию, желая разрешить задачу своего запутанного и ненормального положения? Но в таком королевстве, как Неаполитанское, где король и подданные одушевлены единою верою и единым желанием добра, – все вопросы, неразрешимо запутанные в других местах, находят себе разрешение самое простое и легкое. Народ неаполитанский, то есть масса населения, не желает ничего лучшего, как оставаться под тем же управлением короля, так достойно восседающего на троне Обеих Сицилий. Народ прямо и вполне рассчитывает на него во всем, что касается национальных интересов и улучшений, какие возможны в его участи. Двадцатипятилетнее царствование достаточно объясняет и оправдывает эту доверенность!

---

⁸ «Исследование» (англ.). – Ред.

⁹ «Examination», p. 39.

Кто же, при нежелании народа, может желать в Неаполе новых опытов этого представительного правления, которым кичится Англия и которое мы знаем по печальным опытам Франции? Конечно, уж не аристократия! Надо очень худо знать ее, чтобы предполагать, что ее члены (отличные люди, впрочем, весьма преданные королю) достаточно воспитаны для того, чтобы заседать в сенате или в законодательном корпусе. Вообще – плохую услугу оказал бы им тот, кто захотел бы превратить их в законодателей... Нет, уж лучше оставить их служить мечом королю и приносить пользу отечеству бесчисленными способами, которыми могут располагать умные и богатые аристократы!..

Есть, правда, разряд людей, который с удовольствием толкует о конституции: это – часть буржуазии, преимущественно адвокаты и медики, которые, как мы видели, и во Франции и в Пьемонте выказывают особенную жадность к политическим реформам и особенный энтузиазм к парламентскому правлению, ибо они умеют извлекать из него свои выгоды¹⁰. Но в Неаполе более чем где-нибудь этот класс людей потерял свой престиж и никому не внушает доверия. Они составляют здесь маленькую секту, которой главою до сих пор считается Поэрио. К великому счастью народа, размеры этой секты делают ее вовсе не опасною. Ее составляют неверующие философы и революционные теоретики, вроде тех, которые вызвали недавние ужасы во Франции^[29]. Эта-то ничтожная частичка среднего класса, далеко, впрочем, не так сильная, как во Франции, – одна только и питает нелепые мечты, которых осуществления – увы! – ей не суждено увидеть!

И каким образом правительство с прениями и публичностью могло бы быть введено у народа, который, к счастью для него, не получил от своей истории так называемого политического воспитания? Да, ему не дано этого воспитания, за которое другие народы заплатились так дорого и которое, однако же, все-таки не помогло им удержать у себя эту форму правления... Притом же не нужно забывать народного темперамента и характера. Известно, что такое представляли в Париже некоторые заседания республиканские; в Неаполе парламентские рассуждения не замедлили бы произвести беспорядки гораздо более ужасные¹¹.

Свидетельство г. Жюля Гондона, может быть, не удовлетворит читателя: ясно, скажут нам, что г. Гондон один из самых завязтых католиков и в политическом отношении человек, что называется, ретроградный. Пожалуй, думайте о нем как хотите: мы считаем нужным заметить только, что г. Гондон сам путешествовал по неаполитанским владениям, имел там сношения с лицами высокопоставленными, обласкан был иезуитами, которые, как известно, отлично знают всегда душу народа, и специально занимался бурбонско-неаполитанским вопросом в течение многих лет. Впрочем, мы имеем и другие свидетельства, несколько в другом тоне, но решительно такие же в сущности. Например, не хотите ли прочесть размышления аббата Мишона? Не пугайтесь имени аббата: это аббат весьма либеральный; довольно сказать, что года четыре назад он напечатал брошюру, в которой отсылал папу в Иерусалим, чтобы он не мешал ходу дел в Италии. Брошюра заслужила несколько похвальных слов от Манина^[30] и аббат в

¹⁰ Какая выгода от парламентского правления для медиков – догадаться, конечно, трудно; но, беспрестанно призывая «les lois de l'ordre sumaturel» («законы сверхъестественного порядка» – *фр.* – *Ред.*), наш автор нередко бывает недоступен для обыкновенного понимания. Это не мешает иметь в виду. Впрочем, по нашему мнению, это нимало не вредит истине его уверений.

¹¹ «De l'etat des choses a Naples», par Jules Gondon («О положении дел в Неаполе» Жюля Гондона – *фр.* – *Ред.*). Paris, 1855, p. 158–160.

предисловии к своей книге не боится похвалиться его одобрением. В отношении к Бурбонам аббат нимало не куртизанит;^[31] над чудом святого Дженаро^[32] подсмеивается. А между тем относительно политического воспитания народа неаполитанского он говорит вещи столько же отчаянные, как и г. Гондон. Правда, аббат Мишон уверяет, что и аристократы, сколько-нибудь просвещенные, тоже питают – если не либеральные проекты, то по крайней мере недовольство. Но он сознается, что число их крайне ограничено. Относительно же народа вот что он пишет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

По преданию, последний царь Древнего Рима Тарквиний Гордый был изгнан из Рима в результате народного восстания.

2.

Делькаретто был министром полиции в 1831–1848 гг.

3.

Восстание в Сицилии началось 4 апреля 1860 г. в столице острова – Палермо, где было вскоре подавлено, но быстро распространилось по всему острову, превратившись в широкое, хотя и неорганизованное повстанческое движение.

4.

Гарибальди, получив известие о восстании в Сицилии, организовал экспедицию на помощь повстанцам. 11 мая 1860 г. во главе отряда добровольцев (знаменитой «тысячи») он высадился на западном побережье острова и 27 мая после двух недель героических боев подошел к Палермо. В результате тяжелого трехдневного сражения на улицах города гарибальдийцы заставили королевские войска сложить оружие и очистить город.

5.

Кондотьер – предводитель наемного военного отряда в Италии в XIV–XVI вв. Здесь: военачальник, полководец.

6.

Калабрия – область на юге Апеннинского полуострова.

7.

Переправившись на материк в ночь с 18 на 19 августа 1860 г., Гарибальди уже 7 сентября торжественно вступил в Неаполь. Успеху похода способствовали восстания против неаполитанских властей на юге Италии и разложение армии Бурбонов, некоторые соединения которой без сопротивления сдались в плен.

8.

Последний неаполитанский король Франциск II 5 сентября 1860 г., накануне вступления в Неаполь Гарибальди, бежал из города, приказав своим войскам, дислоцированным в районе столицы, отступить без боя в район крепостей Капуя и Гаэта, ставших последним оплотом Бурбонов (см. также примеч. 12).

9.

Правительство Пьемонта (Сардинского королевства), опасаясь вызвать недовольство европейских держав, после Виллафранкского мира (см. примеч. 85) не оказывало поддержки объединительному движению, ссылаясь на уважение к международному праву. Оно ответило отказом на предложение Гарибальди двинуть войска на помощь сицилийским повстанцам и всячески препятствовало организации экспедиции Гарибальди (см. примеч. 79). Только после того, как Гарибальди, изгнав Бурбонов из Сицилии и совершив победоносный поход на Неаполь, объявил о своем намерении идти на Рим, пьемонтское правительство решило принять участие в войне за освобождение Италии, вырвать дело объединения из рук демократического движения. В сентябре 1860 г. пьемонтские войска вступили в Папскую

область и, быстро разбив армию папы, в начале октября перешли границу Королевства Обеих Сицилии под видом помощи отрядам Гарибальди, которые еще продолжали сражаться с войсками Бурбонов.

10.

Добролюбов имеет в виду плебисцит в Королевстве Обеих Сицилии, состоявшийся 21 октября 1860 г.

11.

Меттерниховскими Добролюбов называет трактаты Венского конгресса 1814–1815 гг., восстановившие Королевство Обеих Сицилий под властью Бурбонов, которые утратили ее в материковой части Италии после наполеоновских войн. Решения конгресса относительно Италии, поставившие ее в фактическую зависимость от Австрии, были приняты благодаря усилиям австрийского министра иностранных дел князя Меттерниха. Возможно, также имеются в виду протоколы конгрессов Священного союза (см. примеч. 78).

12.

Капуя была взята соединенными силами гарибальдийских и регулярных пьемонтских войск 3 ноября 1860 г. Из-за того, что французская эскадра, стоявшая в гавани Гаэты, не позволяла атаковать крепость с моря, она была взята лишь 18 февраля 1861 г., а на следующий день Франциск II прибыл в Рим, где ему предоставил убежище папа римский. Во время революции 1848–1849 гг. Пий IX укрывался в Гаэте по приглашению отца Франциска II – Фердинанда II.

13.

«Шаривари» (1832–1866) – французский юмористический журнал, оппозиционный режиму Луи-Филиппа и Наполеона III, «Кладдерадач» (1848–1864) – немецкий юмористический журнал.

14.

Подчеркивая неспособность «благомыслящих» людей разобраться в подлинных причинах итальянских событий, Добролюбов перефразирует слова почтмейстера Шпекина из «Ревизора», который объяснял приезд петербургского чиновника войной с турками и тем, что «это все француз гадит». Определяющим фактором английской политики в итальянском вопросе было стремление не допустить усиления влияния Франции на Апеннинском полуострове, поэтому английский кабинет поддерживал объединительное движение в Италии. Однако Англия выступала против присоединения и Пьемонту Рима и Венеции, находившейся под властью Австрии, так как это привело бы к новой европейской войне и к росту политического могущества Франции.

15.

Кифа Мокиевич – персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

16.

Имеются в виду: стихотворение Добролюбова «На взятие Парижа (если бы оно случилось)» («Свисток», № 3), пародирующее казенно-патриотическую лирику; выступления Н. Г. Чернышевского по коренным социально-экономическим и философским вопросам: статьи в защиту освобождения крестьян с землей («О необходимости держаться возможно умеренных цифр при определении величины выкупа» – Совр. 1858, № 11; «Труден ли выкуп земли?» – Совр., 1859, № 1, и др.), в защиту крестьянской общины, в которой Чернышевский

видел переходную ступень к социализму («О поземельной собственности» – Совр., 1857, № 9, 11; «Критика философских предубеждений против общинного владения» – Совр., 1858, № 12, и др.), статью «Антропологический принцип философии» (Совр., 1860, № 4, 5), представляющую собой систематическое изложение теории «разумного эгоизма».

17.

Безобразов В. П. Поземельный кредит и его современная организация в Европе (Совр., 1859, № 2, 6, 8, 10, 12).

18.

Упомянуты следующие публикации «Русского вестника»: де Молилари Г. Экономическая корреспонденция (1859., январь, кн. 2; сентябрь, кн. 1; октябрь, кн. 2; ноябрь, кн. 1); Герсеванов Н. Б. О жалованье предводителям дворянства (1860, сентябрь, кн. 1); Сальников И. О податных сословиях и круговой поруке. По поводу вопроса о паспортах (1860, август, кн. 2); Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря (там же). Из названных авторов двое – одиозные для Добролюбова фигуры. Г. де Молилари – бельгийский буржуазный экономист, пользовавшийся большим авторитетом среди русских либералов. В рецензии на книгу Молилари «Курс политической экономии» (рус. перевод – СПб., 1860) Чернышевский высмеял претензию этого посредственного экономиста «поразить социализм насмерть» (Совр., 1860, № 9). Н. Б. Герсеванов – реакционный публицист, ярый крепостник. В 1860 г. он выпустил в Берлине брошюру под характерным названием «О социализме Редакционных комиссий».

19.

Слова Устенки – героини комедии А. Н. Островского «Праздничный сон до обеда» (д. III, явл. 3).

20.

Добролюбов имеет в виду лидеров демократического крыла итальянского национально-освободительного движения – Дж. Мадзини, К. Пизакане и др. (см. в кн.: Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто, пер. с итал. М., 1965).

21.

На протяжении 1850-х гг. в Мексике в ходе ожесточенной борьбы между силами консервативно-клерикальной реакции и либералами несколько раз происходила смена политического режима (в 1853, 1855, 1857); к концу 1860 г. гражданская война завершилась победой либералов.

22.

Смягчение жесткого полицейского режима в Австрии в 1859 г. Добролюбов сравнивает с неоднократными изменениями программы официальной газеты Военного министерства «Русский инвалид» (1813–1917), вызванными постоянным падением подписки.

23.

Имеются в виду «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» Н. И. Греча (т. 1–3, СПб., 1843) и «Замечания об Италии, преимущественно о Риме» К. П. Пауловича (Харьков, 1856).

24.

Последнее тридцатилетие – время правления короля Фердинанда II (1830–1859).

25.

См. примеч. 78.

26.

Имеется в виду брошюра «Two letters to the earl of Aberdeen on state prosecution of Neapolitan government» («Два письма к лорду Абердину по поводу политических преследований, проводимых неаполитанским правительством»), London, 1851. Разосланные в качестве официального документа всем английским послам в европейских странах, они произвели большое впечатление на мировое общественное мнение и вызвали дипломатический конфликт между Англией и Неаполитанским королевством.

27.

Название брошюры: «An examination of the official replay of Neapolitan government» («Исследование официального ответа Неаполитанского правительства»), London, 1852.

28.

Ж. Гондон пытался опровергнуть Гладстона в брошюре: «La terreur dans la royaume de Naples» («Террор в Неаполитанском королевстве»), Paris, 1851. Клерикальная французская газета «L'Univers» была закрыта Наполеоном III в январе 1860 г. за резкое порицание его политики в итальянском вопросе (союз с Пьемонтом в войне против Австрии в 1859 г. и др.), вызвавшей новый подъем национально-освободительного движения в Италии, в том числе и во владениях папы римского.

29.

Имеется в виду революция 1848 г.

30.

Даниеле Манин – руководитель антиавстрийского восстания и возникшей в ходе его республики в Венеции в 1848–1849 гг.

31.

От фр. «куртизан» – придворный, льстец.

32.

«Чудо» святого Дженоаро, считавшегося патроном Неаполя, заключалось в том, что трижды в год и в дни важных общественных событий засохшая кровь святого, хранившаяся в стеклянных сосудах, «разжижалась» при поднесении ее к голове святого. Если «чуда» не происходило, это считалось плохим предзнаменованием. Католическое духовенство использовало этот несложный трюк для укрепления своего влияния на общественную жизнь Неаполя.

82.

Н. Г. Чернышевский в статье «Г. Чичерин как публицист», посвященной этой книге, показал, что сам Чичерин далек от беспристрастия, которым он прикрывает защиту самодержавия и интересов дворянства, «эгоистическое равнодушие» к страданиям народа (Совр., 1859, № 5).

Употребляя без необходимости английское выражение, Добролюбов пародирует стиль книги Чичерина, иронизирует над его англоманией.

83.

См. примеч. 20 к ст. «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (наст. изд., т. 1, с. 841). С 1860 г. Н. Ф. Павлов, сотрудничавший ранее в «Русском вестнике», становится редактором газеты «Наше время».